

Эдит Штайн

НАУКА КРЕСТА

Общедоступный Православный Университет,
основанный протоиереем Александром Менем

Институт философии, теологии и истории св. Фомы

Эдит Штайн

Наука Креста. Исследование о святом Хуане де ла Кресе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11155965

Наука Креста. Исследование о святом Хуане де ла Кресе: Институт философии, теологии и истории св. Фомы; Москва; 2008

ISBN 978-5-94242-044-4

Аннотация

Эдит Штайн – католическая святая еврейского происхождения, погибшая в Освенциме, философ, одна из самых талантливых учениц Эдмунда Гуссерля. «Наука Креста» – последнее произведение Эдит Штайн, посвященное жизни и учению испанского мистика XVI века Хуана де ла Круса.

Для широкого круга интересующихся католической культурой, богословием и духовностью.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие переводчика	5
От автора	10
Введение	13
Смысл и происхождение науки Креста	13
I. Весть Креста	20
1. Ранние встречи с Крестом	20
2. Весть Священного Писания	23
3. Пресуществление	33
4. Видения Креста	36
5. Весть Креста	40
6. Содержание вестей Креста	48
II. Учение Креста	51
Введение	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдит Штайн
Наука Креста.
Исследование о святом
Хуане де ла Кресе

Переработано Ульрихом Добаном

Научный совет издания:

о. Михаил Арранц (SJ) – председатель

Анатолий Ахутин

Владимир Бибихин †

о. Октавио Вильчес-Ландин (SJ)

Андрей Коваль – ученый секретарь

о. Рене Маришаль (SJ)

Николай Мусхелишвили Дмитрий Спивак

Edith Stein

Kreuzeswissenschaft – Freiburg-Basel-Wien, Herder, 2003 ©

Herder, 2003

Предисловие переводчика

Книга Эдит Штайн «Наука креста» исследует мистические откровения католического святого XVI в. Хуана де ла Круса, однако этим не ограничивается. Это великая книга, как для христиан, так и для евреев. Именно она призвана примирить с тем, что произошло в Освенциме, потому что написана той единственной, кто имеет на это право, – еврейкой-католичкой, в нем погибшей. Это не просто книга о «темной ночи», но она сама – темная ночь, из которой может вывести только Бог.

Эдит Штайн родилась в 1891 г. в немецком городе Бре-слау одиннадцатым ребенком в большой еврейской семье. В 1904 г. Эдит выходит из иудаизма и затем стремительно делает карьеру в науке, защищая докторскую диссертацию у основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля и впоследствии становясь у него научным сотрудником – первая женщина-философ в истории Германии, утвердившаяся в академических кругах! Однако, проработав два года сестрой милосердия на фронте, Эдит Штайн открывает в себе интерес к феномену религии, который, постепенно укрепляясь, приводит ее в 1922 г. в лоно Католической церкви, а в 1933 – к принятию монашеских обетов в ордене кармелитов. С этого момента для нее начинается новая «карьера». Путь разума, волевых решений и побед сменяет путь веры, отказа от соб-

ственной воли, поражений, который завершается в газовой камере Освенцима в августе 1942 г.

«Наука Креста» – последняя книга Эдит Штайн. Первые упоминания о ней мы встречаем в письме от 17 ноября 1940 г. матери Иоанне ван Веерст, настоятельнице монастыря кармелиток в Бееке. В этом письме Эдит Штайн упоминает о том, что начинает новую работу, поскольку настоятельница просит ее снова обратиться к научной деятельности. Этот труд должен был стать ее вкладом к 400-летнему юбилею со дня рождения св. Хуана де ла Круса в 1942 г. При этом удивительны совпадения дат: Хуан де ла Крус – 1542–1591 гг., Эдит Штайн – 1891–1942 гг.

Ее интересовал Хуан де ла Крус много лет. Она столкнулась с ним впервые в 1918 г. задолго до вступления в орден, через того же Гуссерля. В это время Гуссерль открыл для себя книгу Рудольфа Отто «Святые», в которой неоднократно упоминался Хуан де ла Крус и которая сильно потрясла его. Кроме того, в 1926 г. папа Пий XI провозгласил св. Хуана Учителем Церкви, а в 1927 г. Церковь праздновала 200-летний юбилей его канонизации. Не случаен также и выбор монашеского имени Эдит Штайн – Тереза Бенедикта Креста. 14 декабря 1934 г. в одном из писем она писала: «Глубокий смысл орденского имени заключается в том, что у каждого из нас есть личное призвание жить в соответствии с определенными таинствами. Но поскольку все они внутренне связаны, в каждом из них заключена вся полнота Божия». Позднее,

в 1938 г., она писала тому же адресату: «Должна Вам сказать, что я, еще будучи послушницей, выбрала себе орденское имя. И получила его таким, каким просила. Под Крестом я понимала судьбу народа Божия, которая тогда уже начинала заявлять о себе. Я думала, те, кто понимают, что это Крест Христов, должны взять его на себя во имя всех остальных. Конечно, сейчас я знаю больше о том, что значит быть обрученной Господу под знаком Креста. Но постичь до конца это все равно невозможно, потому что сие есть тайна».

Первое впечатление от книги – это наслоение текстов Хуана де ла Круса, нечто вроде суммы, но отнюдь не самостоятельное исследование. Сегодня эта книга кажется даже скорее агиографическим, нежели научным произведением. Но чтобы правильно судить о нем, необходимо помнить, каковы были намерения Эдит Штайн. Ее задачей было, в первую очередь, внести свой вклад в кармелитскую духовность. Наука Креста означала для нее теологию Креста, но также и школу Креста, то есть жизнь под знаком Креста. Поэтому «Наука Креста» – это и современное представление о Хуане де ла Кресе, и личное свидетельство Эдит Штайн. В первых же строках Эдит Штайн пишет о цели своего труда: «На этих страницах будет предпринята попытка понять Хуана де ла Круса в цельности его природы, как она выразилась в его жизни и трудах, – исходя из того положения, которое делает возможным взгляд на эту цельность. Таким образом, здесь будет дано не жизнеописание или всестороннее представле-

ние его учения, но будут привлечены факты биографии и содержание трудов, через которые можно будет прийти до этой цельности».

Биографию мистика создают не внешние события, но внутренний путь. Эдит Штайн пыталась с помощью Креста воссоздать внутренний путь св. Хуана. Однако интересны некоторые несоответствия: если проследить за ключевыми словами в текстах Хуана де ла Круса и частотой их употребления, то мы обнаружим, что чаще всего у него встречаются слова «Бог» (4522 раза) и «душа» (4464 раза), затем «любовь», «любящий», «любить» (ок. 2500 раз), в то время как слово «крест» встречается всего лишь 41 раз, так же как и «смерть». Основное определение Бога – «Возлюбленный», для Христа – «Жених», и лишь в редких случаях «Спаситель» и «Распятый». Сам Хуан никогда не говорил о «науке Креста», а лишь о «науке любви» (*ciencia de amor*). Основным смыслом учения св. Хуана заключается в уподоблении в любви, в любовном единении души с Богом. Кроме того, важным отличием является то, что для Хуана единение с Богом – это прежде всего путь, постоянный процесс, а не цель, в то время как Эдит Штайн видит в нем далекую и едва ли достижимую в этой жизни цель, как она сама об этом пишет: «Нашей целью является единение с Богом, нашим путем – распятый Христос, единение с Ним через сораспятие». И тут мы видим, как через биографию Хуана де ла Круса проступает внутренний путь самой Эдит Штайн. Она шла на свою

Голгофу задолго до того, как ее схватили и бросили в концлагерь. Исследователи до сих пор спорят, закончена или нет эта последняя книга святой. Но имеет ли вообще смысл говорить здесь о книге? Цельность, нераздельность трудов и жизни Хуана де ла Круса, которая так важна для Эдит Штайн, не относится ли и к ней самой и ее последнему труду? Ведь в конечном итоге «у каждого из нас есть личное призвание жить в соответствии с определенными таинствами. Но поскольку все они внутренне связаны, в каждом из них заключена вся полнота Божья». И разве не дописана эта книга в газовой камере и печи Освенцима? Мистики – те, кто более всего стремится отрешиться от жизни, – на самой глубине отрешенности снова находят этот мир и говорят истину о жизни во всей ее полноте. Но и мир в самом крайнем, предельном своем выражении переходит в мистику. Освенцим – это не просто трагедия, это мистика. Последний смысл, последнее откровение его остается такой же тайной, как и любовное единение души с Богом.

От автора

На этих страницах будет предпринята попытка понять св. Хуана де ла Круса в целостности его натуры, выразившейся в его жизни и трудах, с той точки зрения, с которой автор способен увидеть эту целостность. Таким образом, здесь будет дано не жизнеописание или всестороннее изложение его учения, но будут приведены факты биографии и содержание трудов, через которые можно прийти к пониманию личности святого в целом. Будут также процитированы очень подробные свидетельства о нем и сделаны попытки их истолковать. При этом автор будет опираться на то, что, как ей кажется, она смогла открыть в результате длившегося всю жизнь осмысления законов духовной жизни и бытия. Это касается прежде всего размышлений о «духе, вере и созерцании», которые присутствуют в различных разделах, особенно в главе «Душа в царстве Духа и духов». То, что сказано там о Я, свободе и личности, не является извлечением из трудов св. Хуана де ла Круса. Определенные опорные пункты, несомненно, взяты у него, но выводы идут далеко за рамки его основных идей и образа мыслей. Задачу выработки философии личности в том виде, в котором она представлена в указанных выше главах, впервые поставила философия Нового времени.

Для подтверждения свидетельств хорошую службу сослужили книги нашего о. Бруно Иисуса-Марии (P. Bruno de

Jesus-Marie): *Saint Jean de la Croix* («Святой Хуан де ла Крус»), Paris, 1929, и *Vie d'Amour de Saint Jean de la Croix* («Жизнь в любви св. Хуана де ла Круса»), Paris, 1936, а также: Jean Baruzi, *Saint Jean de la Croix et le probleme de l'experience mystique* (Жан Барузи, *Святой Хуан де ла Крус и проблема мистического опыта*), Paris, 1931. Барузи дал множество импульсов. Но для углубления в эту тему цитат из его труда здесь приведено мало, поскольку на высказывания этого автора невозможно опираться без критического их осмысления, а оно выходило бы за рамки поставленной проблемы. Тот, кто знает Барузи, обнаружит в данной работе следы его влияния, а также основания для критики. Его несомненной заслугой было неутомимое рвение, с которым он занимался раскрытием источников и соответствующей их обработкой; к спорным же моментам его воззрений относится то, что более позднюю из двух рукописных версий, в которых до нас дошли «Духовное песнопение» и «Огонь живой любви», он рассматривает как апокриф. В отношении «Огня живой любви» он считает это вероятным, в отношении же «Песни» – почти точным; он также полагает, что «Восхождение на гору Кармель» и «Темная ночь», дошедшие до нас без разночтений, сохранились только в апокрифической, урезанной версии. (См. в процитированном труде первую книгу: «Тексты», с. 3, и введения к отдельным произведениям в новом испанском собрании сочинений «Творения св. Хуана де ла Круса, Учителя Церкви» (*Obras de San Juan de la*

Cruz, Doctor de la Iglesia, Editadas y Anotadas por el P. Silverio de Santa Teresia, C.D., Бургос 1929).

Введение

Смысл и происхождение науки Креста

В сентябре или октябре 1568 г. молодой кармелит Хуан де Йепес, до этого носивший в ордене имя Хуана де Сан Матиа (Хуана святого Матфея), поселился в бедном монастырском домике в Дуруэло, где ему предстояло стать одним из главных инициаторов терезианской реформы. Двадцать восьмого ноября он вместе с двумя братьями принес обет следовать изначальному уставу и принял имя Хуан де ла Крус (Иоанн Креста). Это имя стало символом того, что он искал, покидая родной монастырь и открыто отрекаясь от его смягченного устава; того, к чему он стремился уже там, по специальному разрешению соблюдая изначальный устав ордена. В то же время в этом выражался важный отличительный признак реформы: жизнь босоногого кармелита должна была стать подражанием Христу на пути Креста, соучастием в Кресте Христовом.

Как уже было сказано, Хуан не был тогда новичком в науке Креста. Его орденское имя говорит о том, что Бог желает соединить с Собою душу под знаком конкретной тайны.

Изменив имя, Хуан показал, что символ его жизни – Крест. Когда мы говорим о «науке Креста», это не следует понимать в общепринятом значении слова «наука»: речь идет не о сухой теории, то есть не просто о конгломерате истинных – или предположительно истинных – высказываний, не об идеальной системе, основанной на почтенных меморандумах. Это познанная истина, теология Креста, но в то же время истина живая, реальная и действенная: подобно зерну, она погружается в душу, укореняется в ней и растет, налагает на душу свой отпечаток и определяет ее действия. Именно в таком смысле говорят о «науке святости», а мы говорим о науке Креста. Из этой живой глубинной силы проистекает мировоззрение человека, то, как он мыслит о Боге и о жизни; оно-то и может быть оформлено в виде интеллектуальной структуры, в «теории». В учении святого отца нашего Хуана де ла Круса мы находим такое отражение. В его биографии и трудах мы попытаемся вычленить то, что определяет их целостность и самобытность. Но прежде зададимся вопросом, как вообще может возникнуть наука в вышеописанном смысле.

Налицо явные признаки того, что человеческая природа в ее нынешнем состоянии есть природа падшая. К таким признакам относится неспособность воспринимать истинную ценность явлений и реагировать на них. Эта неспособность может корениться во врожденном «тупоумии» (в буквальном смысле), или в общем равнодушии, сформировавшемся на протяжении жизни, или, наконец, в неспо-

способности воспринимать определенные впечатления, порожаемой их частым повторением. Общеизвестные вещи, которые мы часто слышим, оставляют нас равнодушными. К этому нередко добавляется чрезмерная озабоченность собственными проблемами, которая мешает восприятию всего остального. Мы воспринимаем собственную внутреннюю инертность как нечто неподобающее и страдаем от этого. То, что она соответствует «психологическим законам», – слабое утешение. С другой стороны, мы счастливы, на опыте убеждаясь, что все еще способны испытывать настоящую внутреннюю радость; глубокая, подлинная боль – тоже благодать для нас по сравнению с окамененным нечувствием. Равнодушие в религиозной сфере для нас особенно болезненно. Многих верующих огорчает, что события истории Спасения не производят на них должного впечатления и не играют в их жизни той роли, которая им подобает, – роли движущей силы. Пример святых показывает им, как это должно происходить: где вера воистину жива, там истины веры и дела Господни составляют содержание жизни, а все иное отступает перед ними и ими формируется. Таково восприятие святого – изначальная внутренняя восприимчивость возрожденной Святым Духом души. Все, что соприкасается с ней, она воспринимает подобающим образом и с соответствующей серьезностью; все в ней находит живую и подвижную отзывчивость, не ограниченную ложными препятствиями и окамененностью, отзывчивость, которая легко и радостно поз-

воляет воспринятому вести и формировать себя. Когда святая душа воспринимает таким образом истины веры, это становится «наукой святых». Если же ее содержанием делается тайна Креста, она становится наукой Креста.

Восприятие святого в определенной мере сродни восприятию ребенка, вбирающего в себя впечатления и реагирующего на них с еще не ослабевшей силой и живостью, с ничем не замутненной непредвзятостью. Естественно, его ответ не обязательно будет разумным. Для этого ребенку не хватает зрелости восприятия. Кроме того, как только воспринятое осознается, тут же образуется множество внешних и внутренних источников иллюзий и заблуждений, которые направляют сознание по ложному пути. Соответствующее влияние может оказывать окружающая среда. Душа ребенка мягка и податлива. То, что проникает в нее, легко может оказать формирующее влияние на всю его дальнейшую жизнь. Если уже в раннем детстве ребенок соприкасается со Священной историей, изложенной в доступной ему форме, одно это способно заложить фундамент будущей праведной жизни. Порой встречается и особо раннее благодатное избранничество, когда соединяются детское восприятие и восприятие святого. Так, о св. Бригитте¹ известно, что она в деся-

¹ Св. Бригитта – шведская святая, родилась около 1303 г., происходила из королевской семьи и шестнадцати лет от роду вышла замуж за принца Альфе; мать восьмерых детей. По смерти мужа св. Бригитта, ставшая цистерцианской монахиней, в 1346 г. основала особый женский монашеский орден с культом Страстей Христовых и культом Марии, утвержденный в Риме в 1349 г. – *Прим. пер.*

тилетнем возрасте впервые услышала о страданиях и смерти Христа; в ту же ночь ей явился распятый Спаситель, и с тех пор она не могла без слез взирать на Страсти Господни.

У Хуана де ла Круса присутствует еще и третий фактор: он был творческой натурой. Среди многочисленных искусств и ремесел, которым он пробовал обучаться в детстве, были резьба по дереву и живопись. Сохранились его рисунки, выполненные позднее (например, известная схема восхождения на гору Кармель). Будучи приором в Гранаде, он сделал чертежи здания монастыря с созерцательным образом жизни. Более того, он был не только художником, но и поэтом. У него была потребность изливать в стихах то, что происходило у него в душе. Лишь задним числом, в своих мистических произведениях, он разъяснял то, что прежде непосредственно выразил в поэзии. Таким образом, в его случае мы должны принимать во внимание присущую творческой личности особую восприимчивость, незамутненная сила которой делает такого человека сродни и ребенку, и святому. Однако – в противоположность восприятию святого – он видит мир в свете определенной системы ценностей, которую мир воспринимает иначе. Этому способствуют особенности его реакций. Для творческой натуры естественно воплощать то, что воздействует на нее внутренне, в образ, требующий внешнего выражения. Понятие «образ» здесь не ограничивается рамками «зримого», то есть изобразительного, искусства: под ним подразумевается любое произведение искус-

ства, в том числе поэтическое или музыкальное. Это и «картина», отображающая что-либо, и в то же время «произведение» как нечто созданное и внутренне завершенное, вписанное в собственный маленький мир. Каждое настоящее произведение искусства, кроме того, является символом, невзирая на то, стремился к этому автор или нет, «реалист» он или «символист». Символ, или «чувственный образ», означает, что он проистекает из бесконечной полноты чувства, куда проникает человеческое познание, так озвучивая схваченную деталь, что в ней таинственно отзывается все необъятное для нас разнообразие чувств. Понятое таким образом, всякое настоящее искусство становится откровением, а всякое творчество – святым служением. Тем не менее верно, что в творческих способностях кроется опасность, причем не только тогда, когда художник не понимает святости своей задачи. Опасность в том, что он может остановиться на создании образа, как если бы от него больше ничего не требовалось. Проще всего показать это как раз на примере образа Креста.

Едва ли существует верующий художник, которого не тянуло бы изобразить Христа на Кресте или же несущего Крест. Но Распятый требует от художника большего, чем просто образ. Как и от любого человека, Он ждет от него следования Себе: претворения себя самого – и позволения претворить себя – в образ несущего Крест и Распятого. Внешнее изображение может стать препятствием для собственно-

го преобразования, но оно отнюдь не должно таким становиться; напротив, оно может даже служить преобразению, если «внутренний образ» полностью формируется и усваивается именно с созданием внешнего. Он становится, если ничто тому не воспрепятствует, внутренней формой, которая побуждает к действительному выражению, то есть к следованию за Христом. Даже внешний, сотворенный самим человеком образ может снова и снова служить стимулом к преобразованию себя в этом направлении.

У нас есть все основания предполагать, что так обстояло дело с Хуаном де ла Крусом: что в нем соединялись восприятие ребенка, святого и художника, приготавливая плодородную почву для Крестной вести, давая ей возрасть в науку Креста. Уже было сказано, что творческая натура проявилась в нем с детства. Существует немало свидетельств, подтверждающих столь же раннее призвание его к святости. Его мать впоследствии рассказывала босоногим кармелиткам в Медине дель Кампо, что ее сын в детстве вел себя как ангел. Именно его благочестивая матушка внушила ему глубокую любовь к Матери Божьей, и достоверные источники сообщают, что благодаря личному вмешательству Марии мальчик был дважды спасен от гибели в воде. Все другие имеющиеся у нас сведения о его детстве и юности также указывают на то, что он с первых лет жизни был отмечен благодатью.

I. Весть Креста

1. Ранние встречи с Крестом

Мы можем задаться вопросом, как зерно вести о Кресте упало на эту плодородную почву. У нас нет никаких свидетельств, когда и как Хуан впервые воспринял образ Распятого. Возможно, когда он был еще ребенком, глубоко верующая мать водила его в приходскую церковь в родном Фонтиверосе. Там он мог видеть распятие – Спасителя, пригвожденного ко Кресту, с искаженным от боли лицом и свисающими вдоль щек на исхлестанные плечи прядями настоящих волос. И когда молодая вдова, претерпевшая столько нужды и горя, рассказывала детям о Небесной Матери, она, конечно, говорила и о страдающей Матери у Креста. Мы можем лишь с величайшим благоговением перед таинственным путем благодати высказать предположение, что сама Мария очень рано обучила своего питомца науке Креста. Кто иной мог бы быть более сведущим в ней и глубже проникнуться ее достоинством, чем Премудрая Дева?

С распятием Хуан встречался и в мастерских, в которых ему приходилось работать. Возможно, уже тогда он впервые пытался сам вырезать кресты, что с удовольствием делал впоследствии. Если здесь мы имеем дело только с предполо-

жениями, то серьезное подтверждение ранней встречи с Крестом и его восприятия мы находим в засвидетельствованном очевидцами факте рано возникшей у него любви к покаянию и умерщвлению плоти. Еще будучи девятилетним ребенком, он отказывался спать в своей постели и устраивал себе ложе из хвороста. Через несколько лет он стал позволять себе всего несколько часов отдыха на этом жестком ложе, так как часть ночи тратил на учебу. Будучи младшим учеником, он просил милостыню для своих товарищей, еще более бедных, чем он сам, а позднее – для бедных в больницах. После многих неудачных попыток овладеть другими профессиями он полностью посвящает себя тяжелой работе – уходу за больными. Как свидетельствует его брат Франсиско, Хуану приходилось работать в лазарете, где лежали больные оспой. Существует предположение, что в этой больнице лечили также больных сифилисом. Правда это или нет, – мальчик, несомненно, узнал от своих пациентов, что такое не только боль, физическая болезнь, но и душевные и нравственные страдания. Неукоснительное исполнение своих обязанностей было для чистого, глубокого и тонко чувствующего сердца подчас тяжким и болезненным испытанием. Что давало ему для этого силы? Наверняка не что иное, как любовь к Распятому, за Которым он хотел следовать на Его тяжелом, каменистом и тесном пути. Желание узнать Его ближе и попытаться уподобиться Ему побудило Хуана наряду с работой в больнице обучаться в иезуитском колледже, готовясь принять сан свя-

ценника. Чтобы лучше слышать весть Креста, он отказывается от прибыльного места больничного капеллана и выбирает нищету монашеского ордена. Это же желание не давало ему покоя и при виде смягченного устава тогдашних кармелитов и привело к мысли о необходимости реформы.

2. Весть Священного Писания

Вероятно, обучаясь в коллегии иезуитов, Хуан штудировал Священное Писание. Но и раньше – в проповедях, на уроках и на Литургии – он слышал слово Божье, а вместе с ним и слова о Кресте. У кармелитов обращение к Священному Писанию входило в ежедневный распорядок дня. Когда молодой монах был отправлен учиться в Саламанку, изучение Писания под руководством образованных экзегетов стало важной частью его обязательной работы. В более поздние годы, как мы знаем, он жил, полностью погруженный в Писание, и никогда не расставался с ним. Это была одна из немногих книг, которые он хранил в своей келье. Произведения Хуана де ла Круса немислимы без цитат из Библии. Они стали естественным выражением его внутреннего опыта и, когда он писал, сами просились на бумагу. Брат Хуан Евангелист, его секретарь и близкий друг в последние годы, рассказывает, что в присутствии Хуана де ла Круса едва ли нужно было открывать Библию, поскольку тот знал ее почти наизусть.

Итак, можно сказать, что весть Креста в Божьем слове звучала в сердце святого всю жизнь, и каждый раз заново. Исчерпывающе исследовать этот (возможно, самый главный) источник его науки о Кресте представляется нереальным. Поэтому следует исходить из того, что все Священное Писа-

ние – как Ветхий, так и Новый Завет, – было его хлебом насущным. В работах Хуана де ла Круса такое множество цитат из Писания, что не может быть и речи о том, чтобы обсудить их все. С другой стороны, было бы глупо ограничиться ими и предположить, что другие высказывания, которых он не цитирует в своих трудах, не оказали на него должного воздействия. Нам не остается ничего иного, как на различных примерах показать, каким нам представляется вхождение святого в науку Креста.

Сам Спаситель в различных ситуациях по-разному говорил о Кресте: когда Он предсказывал Свои страдания и смерть (Мф 20, 18–19; 26, 2), у Него перед глазами был крест в обычном смысле слова – дерево позора, на котором Он должен был окончить Свою жизнь. Но когда Он говорит: «...Кто не берет своего креста и не следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф 10, 38) или «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16, 24; ср. Мк 8, 34; Лк 9, 23; 14, 27), то крест здесь – символ всего тяжелого, мучительного и противного человеческой природе, так что он представляется путем к смерти, если человек принимает его. И эту ношу молодому Иисусу нужно было брать на себя ежедневно. Известие о Его смерти явило ученикам образ Распятого – оно являет его и по сей день каждому, кто читает или слушает Евангелие. И в этом кроется безмолвный вызов, требующий соответствующего ответа. Призыв следовать Крестным путем жизни одно-

временно приоткрывает и смысл Крестной смерти², поскольку непосредственно после слов призыва следует предупреждение: «...Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк 9, 24; ср. с Мф 10, 39; Лк 17, 33; Ин 12, 25). Христос отдал Свою жизнь, чтобы открыть людям путь к вечной жизни. Но чтобы получить вечную жизнь, и они должны отдать свою земную жизнь. Они должны умереть со Христом, чтобы вместе с Ним воскреснуть, – умереть смертью – страданием длиною в жизнь и повседневным самоотречением, а в случае необходимости и кровавой смертью – свидетельством Христова благовестия.

Образ Оградающего и Распятого, который лишь намечен в словах-предчувствиях Господа, широко и подробно обрисован в евангельских описаниях Страстей. Чистое и мягкое сердце ребенка плюс фантазия художника – и едва ли можно усомниться в том, что все эти картины глубоко и неистребимо отпечатались в душе юного Хуана. Не забудем и о том, что мальчик присутствовал на торжественной мессе Страстной недели и даже прислуживал на ней в качестве министранта. Ежегодно в Вербное воскресенье, как и во все дни Отрастной недели, в церковной службе перед верующими с драматической живостью предстают последние дни жизни Иису-

² Изначально после слов «Крестной смерти» стояло: «О том, как созерцание Распятого воздействовало на Хуана де ла Круса, нам кое-что известно из его стихотворения “Младой пастух”».

са, Его смерть и положение во гроб – предстают в проникновенных словах, мелодиях и церемониях, которые непреодолимо влекут к сопереживанию. Если даже бесчувственные, неверующие и погрязшие в светской жизни люди не могут при этом остаться равнодушными, каково же должно было быть влияние их на юношу – будущего святого, который, как мы знаем, в более зрелом возрасте едва ли мог говорить о духовных вещах, не впадая при этом в экстаз, и приходил в восторг, даже просто слушая пение!

При изучении Писания к евангельским рассказам присоединились пророчества Ветхого Завета, и прежде всего описание страдающего Отрока Господня у пророка Исайи – с этим описанием молодой монах должен был встретиться, читая Бревиарий в Страстную неделю³. Здесь можно было не только увидеть страдания, описанные с безжалостным реализмом, но и узнать исторический и спасительный контекст Голгофской мистерии: Бог – всемогущий Творец и Господь, Который сокрушает народы, как глиняные сосуды, и в то же время Отец, Который окружает избранный народ Своей верной заботой; нежный и ревнивый влюбленный, столетиями радеющий о Своей Невесте – Израиле и постоянно оказывающийся отвергнутым и оставленным, как описывает Хуан в стихотворении «Младой пастух». Пророки и евангелисты, дополняя друг друга, рисуют образ Мессии, Который в послушании следует за Отцом, чтобы завоевать Свою Невесту,

³ Пророчества об Отроке Господнем см. Ис 42, 53.

Который принимает на Себя ее бремя, чтобы освободить ее, и не останавливается даже перед смертью, чтобы подарить ей жизнь. Эта тема снова находит отголоски в «Романсе». Если перенести подобное отношение Жениха к Невесте-Израилю на все человечество, то это будет соответствовать словам о Царстве Божьем у пророков и в Евангелиях.

И еще важное для Хуана в книгах пророков – взаимоотношения пророка и его Господа; призвание и обособление человека, на которого Всемогущий указал Своим перстом. Эти взаимоотношения делают человека другом и доверенным Бога, поверенным и провозвестником вечной Божьей воли; но, с другой стороны, требуют от него абсолютной самоотдачи и безграничной готовности к служению, отделяют его от общества здравомыслящих людей и превращают в символ протеста. На это указывало не только само Священное Писание, но и его толкование, принятое в ордене. В Кармеле, даже при смягченном уставе, жила память о пророке Илии, «вожде и отце кармелитов»⁴. *Institutio primorum monachorum*⁵ представлял его молодым монахам как образец созерцательной жизни. Пророк, которого Господь побудил идти в пустыню, который прячется в потоке Хораф, напротив Иордана, пьет из него и питается тем, что посылает ему Господь (3 Цар 17, 2–3), – вот образец для всех, кто хочет замкнуться в одиночестве, отказаться от греха и

⁴ Надпись на статуе пророка Илии в Ватиканской базилике.

⁵ Изначальный монашеский устав (*лат.*).

всех чувственных наслаждений, и вообще всех земных вещей (так можно трактовать высказывание «напротив Иордана») и укрыться в любви Господа (Хораф трактуется как *caritas* – любовь милосердная). Источник Божественной благодати напоит их блаженством, а учение Отца даст им твердую пищу для души: хлеб сокрушения и покаяния и плод истинного смирения. Разве не нашел Хуан в этих словах ключ к тому, что Господь совершал в его собственной душе? Планы Божественного спасения распространяются на все человечество, и ради него – на Его избранный народ, но при этом Он заботится и о каждой отдельной душе. Каждая душа, подобно Невесте, опекается Им с равной нежной любовью, и Он заботится о ней с отеческой верностью. То, как эта Божья любовная забота становится жалом, не оставляющим души в покое, в совершенстве описано в Ветхом Завете, в Песни Песней. Ее отголосок звучит в «Духовном песнопении». Ниже будет рассказано подробнее, как в ней же вновь возникает мотив Креста.

Если мощным стимулом для поэта стали пламенные и красочные картины ветхозаветного псалмопевца, то теолог мог черпать из иного полноводного источника. Им была душа, единая со Христом, живущая Его жизнью, в полной самоотдаче себя Распятому проходящая вместе с Ним весь Крестный путь. Это нигде не выражено яснее и четче, чем в благовестии апостола Павла. У него уже есть сформированная наука Креста, теология Креста, основанная на внут-

реннем опыте.

«...Христос послал меня... благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1 Кор 1, 17—1). «...Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор 1, 22–25).

Весть Креста – Евангелие от Павла, весть, которую он провозглашает иудеям и язычникам. Это простое свидетельство, без всякой пышной риторики, без малейшей попытки убедить доводами разума. Он черпал всю свою силу в том, что проповедовал. Это Крест Христов, то есть Крестная смерть Христа и Сам распятый Христос. Христос – сила Божья и мудрость, и не только как посланник Божий, Сын Божий и Сам Бог, но и как Распятый, так как Крестная смерть – избранное непостижимой Божественной премудростью средство спасения. Чтобы показать, что человеческая сила и мудрость не способны привести ко спасению, Он наделяет спасительной силой Того, Кто по человеческим масштабам кажется слабым и безумным; Кто не хочет быть ничем Сам по Себе, но лишь дает действовать в Себе силе Божьей; кто «опустошил» Самого Себя и стал «послушным да-

же до смерти, и смерти крестной» (Флп 2, 7–8). Спасительная сила – это власть возрождать к жизни тех, в ком Божественная жизнь была уничтожена грехом. Подобным образом спасительная сила Креста вошла в *весть Креста* и через эту весть переходит на всех, кто принимает ее, кто открывает себя ей, не требуя ни чудес, ни доводов человеческой мудрости. В принявших эту весть она превратится в ту животворящую и жизнеобразующую силу, которую мы называли наукой Креста⁶. Апостол Павел сам говорит о конечном ее смысле: «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал 2, 19–20).

В те дни, когда вокруг апостола сгустилась ночь, но в его душе был свет, ревнитель закона узнал, что закон был лишь учителем на пути ко Христу. Он мог подготовить к принятию жизни, но не мог даровать жизнь. Христос принял на Себя ношу закона тем, что исполнил его и умер для закона и через закон. Тем самым Он освободил от закона тех, кто хотел принять от Него жизнь. Но они могли принять ее, только отдав свою. Те, кто крещен во Христа, крещены и в Его смерть (Рим. 6, 3). Они погружаются в Его жизнь, чтобы стать членами Его тела, в качестве таковых страдать и вместе с Ним умереть, но также и воскреснуть вместе с Ним для

⁶ Изначально: *scientia crucis* (лат.).

вечной Божественной жизни. Эта жизнь во всей своей полноте наступит для нас в день Воскресения. Но уже теперь, «во плоти», мы принимаем в этом участие, насколько хватает нашей веры: веры в то, что Христос умер из любви к нам, чтобы дать нам жизнь. Эта вера делает нас едиными с Ним, как члены тела едины с его главой, и открывает нас потокам Его жизни. Такая вера в Распятого – живая вера, соединенная с любовной отдачей себя, – это для нас вступление в жизнь и начало будущего величия. Отсюда – Крест в нашем единственном почетном звании: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал 6, 14). Кто решил отдать себя Христу, тот умер для мира, а мир – для него. Он носит раны Господа на своем теле (Гал 6, 17), он слаб и презираем людьми, но именно тем и силен, что в слабых проявляется сила Господня (2 Кор 12, 9). Осознав это, ученик Иисуса не только берет предназначенный ему крест, но распинает себя самого: «Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал 5, 24), они вели жестокую борьбу против своей природы, чтобы в них умерла жизнь греха и появилось пространство для жизни духа.

И последнее – самое важное. Крест – не самоцель. Он возвышается и указывает вверх. Он не просто знак, но мощное орудие Христа. Это пастуший посох, с которым божественный Давид выходит против дьявольского Голиафа, посох, которым он могущественно стучит в Божьи врата и отверзает

их. И тогда оттуда изливаются потоки Божественного света и окутывают всех, кто последовал за Распятым.

3. Пресуществление

Умереть со Христом, чтобы воскреснуть вместе с Ним, – для каждого верующего, и особенно для священника, это становится реальностью в дароприношении. Согласно вероучению, в этом заключается обновление Крестной Жертвы. Кто с живой верой приносит Жертву или принимает в ней участие, для того в этот момент совершается то же, что совершилось на Голгофе. Хуан еще ребенком прислуживал на Святой Мессе, затем, без сомнения, делал это в ордене вплоть до своего рукоположения. Из свидетельств о его жизни мы знаем, что даже простое созерцание Креста приводило его в экстаз. Как же должна была захватывать его подлинно совершающаяся Бескровная Жертва – сначала как прислуживающего, а позже – как служащего, когда он сам приносил ее! Нам известно о первой совершенной им Евхаристии. Это произошло в монастыре св. Анны в городке Медина дель Кампо в сентябре 1567 г., видимо, в октаву Рождества Пресвятой Богоматери, в присутствии матери и старшего брата Франсиско с семьей. Его объял тогда священный трепет перед достоинством священства, и лишь послушание наставнику заставило преодолеть робость. В самом начале торжественного богослужения мысль о собственном недо достоинстве стала особенно ощутимой. В нем проснулось горячее желание стать абсолютно чистым, чтобы прикоснуться к

Святым Дарам незапятнанными руками. Его сердце вознесло молитву о том, чтобы Господь не позволил ему когда-либо смертельно оскорбить Его. Хуан желал чувствовать муки раскаяния за каждую ошибку, в которую мог впасть без Божьей помощи и не покаяться в ней. И во время Пресуществления он услышал слова: «Я исполню то, о чем ты просишь». С этого момента он был укреплен в вере, и его сердце стало чистым, как у двухлетнего ребенка. Быть не запятанным виной и все же чувствовать боль – разве это не истинное единство с безгрешным Агнцем, принявшим на себя грехи мира, разве это не Гефсимания и не Голгофа?

Ощущение величия приносимой Святой Жертвы никогда не оставляло Хуана. Нам известно, что однажды в Баэсе он в экстазе отошел от алтаря, так и не завершив Святую Мессу. Одна из присутствовавших при этом монахинь закричала, что должен прийти ангел Господень, чтобы дослужить Мессу, поскольку святой отец не помнит, что не закончил ее. В Караваке видели, как он служил Мессу в сиянии лучей, исходявших от Святой Гостии. Однажды он доверительно признался, что может иногда по нескольку дней отказываться от Святой Жертвы, так как его природа слишком слаба, чтобы вынести всю полноту небесного утешения. Особенно он любил служить Мессы в честь Святой Троицы. Существует теснейшая связь между возвышенной тайной Троицы и Святой Жертвой, совершаемой по воле Трех Ипостасей Бога и в Их честь и открывающей путь к Их вечно изливающейся жизни.

Мы не можем себе представить всей полноты откровений, полученных святым в течение его священнической жизни у алтаря. Как бы то ни было, возрастание в науке Креста и последующее таинственное перевоплощение в Распятого происходило по большей части в служении у алтаря.

4. Видения Креста

Через слово, образ и литургическое действие весть Креста стучится в сердце каждого человека, живущего в христианской культурной среде, и особенно в сердце священника. Но не всякий способен и готов так принять эту весть и так на нее ответить, как это сделал св. Хуан де ла Крус. У него это произошло в особой форме, не считая исключительной благодати при принесении Святой Жертвы. Распятый несколько раз являлся ему в видениях. О двух из них он подробно поведал нам. Согласно учению Хуана де ла Круса, слышание голосов, видения, так же как и откровения, – незначительная, второстепенная деталь мистической жизни. Он всегда предостерегал от увлечения ими, поскольку человек подвержен опасности впасть в заблуждение и во всяком случае задерживается на пути к единению со Христом, если придаст этим вещам особую важность. Кроме того, Хуан всегда был крайне немногословен в рассказах о своей жизни, как внешней, так и внутренней. И если уж он заговорил о двух своих видениях, следовательно, они имели для него большое значение. После них на него обрушилась целая буря преследований и страданий, из чего напрашивается вывод, что их можно считать пророчествами.

Первое явление было в Авиле, в монастыре Боговоплощения, куда св. Тереза вызвала его в качестве духовника для

сестер. Однажды, когда он целиком погрузился в созерцание Крестных страданий, перед ним предстал распятый Спаситель – с открытыми глазами, израненный, истекающий кровью. Это видение было таким четким, что святой смог зарисовать его пером, когда пришел в себя.

Маленький пожелтевший листочек сохранился в монастыре Боговоплощения до наших дней. Рисунок кажется выполненным в современной манере. Крест и тело изображены не крупно, будто увиденные издали; тело дано в движении, сильно свесившимся с креста, повисшим на руках (пробитые мощными торчащими гвоздями руки особенно выразительны); голова опущена так, что черт лица не разобрать; напротив, хорошо видны шея и верхняя часть спины, покрытые рубцами. Святой подарил свой рисунок сестре Анне Марии Иисуса⁷ и ей доверил тайну этого видения. (Что вполне понятно, поскольку Сам Господь доверил душе Хуана нечто из Своих глубочайших тайн: особую благодать, дарованную ему, когда он служил первую Святую Мессу.) Мы не знаем, произносил ли Спаситель какие-либо слова, когда низко склонился с Креста. Но, конечно же, между Ним и святым происходил глубинный разговор – от сердца к сердцу. Это было в то время, когда только начиналась война «обутых» против реформы – война, жертвой которой св. Хуану де ла Крису суждено было стать более, чем кому бы то ни было.

Второе явление было даровано святому в Сеговии, уже

⁷ Блаженная Анна Мария Иисуса (1545–1621).

под конец его жизни. Он вызвал туда своего любимого брата Франсиско, которому мы обязаны следующим свидетельством: «...Пробыв два или три дня, я попросил у него разрешения уехать. Он ответил, что я должен остаться еще на пару дней. Он не знал, когда мы теперь сможем увидеться. Тогда мы виделись в последний раз. Однажды вечером, после ужина, он взял меня за руку и повел в сад. Когда мы остались одни, он сказал: “Я хочу доверить тебе кое-что, связанное со мною и нашим Господом. У нас в монастыре есть распятие. Однажды, когда я стоял перед ним, мне подумалось, что его можно перевесить в более подходящее место. Мне всегда хотелось, чтобы его почитали не только монахи, но и миряне. И я сделал так, как мне хотелось. Установив его в церкви, как мне казалось, наилучшим образом, я однажды молился перед ним – и вдруг Он заговорил со мной: ‘Брат Хуан, чего ты хочешь от Меня за твою службу?’ И я ответил ему: ‘Господи: все, чего я прошу – дай мне пострадать за Тебя, чтобы меня презирали и оскорбляли’”».

После того как Хуан выразил свое желание, жизненные обстоятельства сложились так, что оно исполнилось само собой. Во главе реформированного Кармеля стал провинциал⁸ Николас Дориа, человек горячий и ревностный, желающий переделать все, сделанное св. Терезой. Хуан решительно защищал наследие св. Терезы, а также о. Иеронима Грасиана и сестер-кармелиток, ставших жертвами фанатизма Дориа.

⁸ Глава провинции, которому подчиняется местная орденская иерархия.

30 мая 1591 г. открылся капитул босоногих в Мадриде. Перед отъездом туда святой попрощался с кармелитками Сеговии. Настоятельница Мария де Энкарнасьон воскликнула с живейшим воодушевлением: «Кто знает, отец, не вернется ли ваше преподобие оттуда провинциалом нашей провинции!» – «Меня закинут в угол, как старую ветошь, как ненужную кухонную тряпку», – ответил он. Так и произошло. Хуан больше не получил никакого поста и был выслан в Пенуэлу в полном одиночестве. Вслед за ним туда полетели сообщения о гонениях на сестер. Их допрашивали, желая собрать материал против Хуана, искали повод, чтобы удалить его из ордена. Вскоре после этого болезнь заставила его покинуть Пенуэлу, где не было никакой врачебной помощи. Так он достиг последней ступени своего крестного пути – Убеды. Святой добрался туда, покрытый гноящимися ранами, и нашел в тамошнем приоре о. Франсиско Хрисостома ожесточенного противника, в полной мере отвечавшего стремлению Хуана быть презираемым и оскорбляемым. Вершина Голгофы была достигнута.

5. Весть Креста

Сохранилось также третье свидетельство того, что образы Креста имели на Хуана особое влияние. И, возможно, это происходило намного чаще, чем нам о том известно. Мы собираем эти впечатления как знаки, которые укрепляли его и готовили к несению Креста. К вести Креста также должно быть присовокуплено все то, что мы называем Крестом в переносном смысле, все тяготы и страдания жизни, поскольку именно отсюда и проистекает глубочайшая наука Креста. Святой познал страдания и зависть уже с первых лет жизни. Ранняя смерть отца, борьба матери за кусок хлеба для детей, его вечно неудачные попытки что-то заработать для семьи – все это должно было оставить глубокий след в нежном сердце ребенка, но нам ничего об этом не известно. Так же мало мы знаем о влиянии на душу св. Хуана де ла Круса кризисов первых лет жизни в ордене. Лишь о более поздних годах есть свидетельства, которые позволяют больше узнать о его внутренней жизни.

Однажды вечером в Авиле Хуан, закончив исповедовать, вышел из церкви, где звонили к *Angelus*⁹, и пошел по тро-

⁹ *Angelus Domini* (лат.) – Ангел Господень, католическая молитва, названная по начальным словам; читается трижды в день: утром, в полдень и вечером. В католических монастырях и храмах чтение этой молитвы зачастую сопровождается колокольным звоном, который также называют *Angelus*.

пинке к дому, где жил вместе с о. Германом. Вдруг на него напал какой-то человек и так избил дубинкой, что Хуан упал на землю. (Это была месть мужчины, которого Хуан лишил любовницы, обратив ее ко Христу.) Повествуя об этом эпизоде, святой добавил, что никогда в жизни не испытывал такого сладкого утешения: с ним обращались, как со Спасителем, и он познал всю сладость Креста.

Много возможностей для этого предоставило и тюремное заключение в Толедо. Святой начал реформу в Дуруэло, затем с возрастающей церковной общиной перебрался в Мансеру, после этого работал с новициями в Пастране и, наконец, руководил первым колледжем в Алкале. В 1572 г. св. Тереза вызвала его в Авила, чтобы он помог ей разрешить трудную задачу. Ее избрали настоятельницей монастыря Боговоплощения, где она когда-то была монахиней, и она должна была, сохранив несколько смягченный устав, устранять возникающие проблемы и привести многочисленную общину к подлинной духовной жизни. Она считала, что для этого необходим хороший исповедник, и не смогла найти никого более подходящего, чем Хуан, о большом опыте внутренней жизни которого хорошо знала. С 1572 по 1577 г. он собрал там большой урожай душ. Пока Хуан работал в тишине, реформа за стенами монастыря набирала силу. Мать Тереза ездила от одного женского монастыря к другому; возникали и новые мужские монастыри реформированной ветви. В орден вступили выдающиеся личности, прежде всего о. Иероним

Грасиан и о. Авросий Мариано, и приняли на себя внешнее руководство. Не без их вины «обутые» отцы ордена со смягченным уставом почувствовали себя ущемленными и вступили в жестокую оборонительную войну.

Мы не будем исследовать вопрос, почему Хуан, чья деятельность была исключительно духовной, также подвергся гонениям, причем наиболее суровым. В ночь с 3 на 4 декабря 1577 г. некоторые «обутые» со своими сообщниками ворвались в дом и, взяв в плен обоих исповедников, увели их. Хуан исчез. Св. Тереза узнала, что увез его приор Мальдонадо, но куда увез, стало известно лишь девять месяцев спустя, после освобождения Хуана. С завязанными глазами его привезли в заброшенное предместье Толедо, в монастырь Богоматери Толедской – самый известный в Кастилии кармелитский монастырь нереформированной ветви. Святого допрашивали, и так как он не хотел отказаться от реформы, с ним поступили как с мятежником. Его тюремной камерой было очень узкое помещение в 10 футов длиной и 6 футов шириной, в котором узник, как писала позже св. Тереза, «даже будучи совсем невысоким, едва мог стоять в полный рост». В этой камерке не было ни окон, ни отдушин для воздуха – лишь щель высоко в стене. Чтобы помолиться по Бре-виарию, пленник «должен был взобраться на стул приговоренного и ждать, пока солнечный луч упадет на стену». Дверь запиралась на висячий замок.

Когда в марте 1578 г. пришла весть, что о. Герман бежал,

то тюремную камеру изолировали от смежного с ней помещения. Сначала каждый вечер, затем три раза в неделю и, наконец, лишь иногда по пятницам пленного приводили в рефекторий¹⁰, где он, сидя на полу, принимал пищу – хлеб и воду. В рефектории же узник получал и наказания. Он преклонял колени – обнаженный по пояс, с опущенной головой, – а мимо проходили монахи и били его плетью. И поскольку все это Хуан сносил «с терпением и любовью», его прозвали лицемером. Однако он остался «неколебим, как камень», когда ему предложили отречься от реформы, соблазняя в качестве приманки приоратом. До сей поры молчавший, Хуан заговорил; он сказал, что не свернет с этого пути, «даже если это будет стоить ему жизни». Молодые послушники, бывшие свидетелями издевательств и жестокости по отношению к нему, плакали от жалости и, видя молчаливое терпение его, говорили: «Это святой». От побоев хабит Хуана пропитался кровью – ему приходилось носить его в таком виде, не снимая в течение девяти месяцев заточения. Можно представить, что ему пришлось вынести в жаркие летние дни. Еда, которую приносили узнику, вызывала расстройство желудка, и казалось, что его хотят погубить подобным образом. Каждый проглоченный им кусок был проявлением любви – так он хотел избежать искушения злословия.

Мы знаем, как тесно был связан Хуан де ла Крус со своим ближайшим окружением. Он был всем сердцем предан ре-

¹⁰ Рефекторий – трапезная в католическом монастыре.

форме, св. Терезе и всем, кто вместе с ним исполнял эту высокую задачу, кто посвятил свою жизнь – в основном под его руководством – идеалу восстановления изначального Кармеля. Позднее, когда ему на несколько лет пришлось задержаться в Андалусии, он откровенно признавался в ностальгии по Кастилии и кругу преданных людей: «С тех пор как меня проглотил кит, а затем извергнул на этот далекий берег, мне больше не выпадала радость видеть вас, а также святых, которые там живут». Он был так далек от них, что все эти месяцы даже не мог послать им весточки о себе. «До сих пор сокрушаюсь при мысли, что меня могут обвинить в том, будто я повернулся к происходящему спиной, и я чувствую боль святой матери-настоятельницы».

Но Хуану пришлось претерпеть и большие лишения. 14 августа 1578 г. в его узилище вошел приор Мальдонадо с двумя монахами. Пленный был так слаб, что едва мог шевелиться. Он не открыл глаз, подумав, что это надзиратель. Приор пнул его ногой, спросив, почему тот не встает в его присутствии. Когда Хуан попросил прощения, уверяя, что не видел, кто вошел, о. Мальдонадо поинтересовался: «О чем же вы думали, что так низко склонились?» – «Я думал, что завтра день Пресвятой Богородицы, и для меня было бы большим утешением, если бы я мог отслужить Святую Мессу». Как же в течение этих долгих девяти месяцев ему должно было не хватать Святой Жертвы, которую он так ни разу и не смог принести! Праздник Тела Господня, в который он

обычно часами преклонял колени перед Святыми Дарами, он вынужден был провести без Литургии и причастия.

Беспомощный, отданный на растерзание озлобленным врагам, измученный душою и телом, изолированный как от людской жалости, так и от главного источника церковной жизни – Таинства; могла ли быть более суровой школа Креста? И все же это были еще не самые глубокие страдания. Они не могли разлучить святого с Троицей, вера в Которого в нем не поколебалась. Его дух не был в заточении, он мог вознестись к быющему ключом вечному источнику и погрузиться в его непостижимую глубину, в те воды, которые питают все творение и его собственное сердце. Никакая человеческая сила не могла разлучить Хуана с его Богом – но Сам Господь мог удалиться от него. И эту темнейшую ночь узник познал здесь, в заточении:

Где скрылся ты, Любимый,
Меня в слезах оставив?

Этот мучительный стон души прозвучал в тюрьме в Толедо. У нас нет никаких свидетельств о том, когда Хуан впервые познал сладость от близости Бога. Но все указывает на то, что мистическая жизнь началась у него очень рано. Чтобы стать свободным для Бога, он расстался со всем, что любил, оставил учебу и покинул родной монастырь. Освободить души людей для Бога и вести их по пути единения со

Христом было его задачей в Авиле, с ней же была связана и вся его деятельность в ордене. За этот идеал реформатор претерпевал муки заключения, с радостью принимая все обиды и унижения ради любимого им Господа. И вот, казалось, свет в сердце святого померк – Господь оставил его. Скорбь Хуана была так глубока, что с ней не могла сравниться никакая человеческая скорбь. И все же она была доказательством избирающей любви Божьей. Казалось, этот путь вел к смерти, однако, то был путь жизни.

Ни одно человеческое сердце никогда не проходило сквозь такую Темную ночь, как сердце Сына Человеческого в Гефсиманском саду и на Голгофе. Ни один пытливый дух не в состоянии проникнуть в непостижимую тайну Богооставленности умирающего Сына Человеческого. Но Сам Иисус может дать избранным душам хоть немного ощутить эту страшную горечь. Такие души – Его лучшие друзья, и их любви Он посылает последнее испытание. Если они не убоятся и покорно вступят в Темную ночь, Он Сам станет их проводником:

О ночь, что провожатой мне служила!
О ночь, нежней рассвета!
О ночь, соединившая
Любимую с Любимым,
Преобразившая Невесту в Жениха!

Испытание в Толедо было великим испытанием Креста –

глубочайшей Богооставленностью, но именно в ней и заключалось единение с Распятым. По-видимому, этим объясняется противоречивость сообщений Хуана о периоде его плена: он говорил, что редко чувствовал утешение (или вовсе не искал его), страдая душой и телом, но, с другой стороны, говорил и о том, что долгие годы заточения не смогли бы оплатить ту единственную милость, которую Бог оказал ему там. Ниже будет подробно описано, как благодаря опыту собственного ничтожества и бессилия в Темной ночи душа приходит к истинному познанию себя, и благодаря бесконечному величию Божьему и Его святости достигает озарения; как она очищается, украшается добродетелями и готовится к единению с Богом. Все это – драгоценные милости, которым нет цены, а потому нам нетрудно будет понять, почему Хуан после побега из заточения говорил монахиням-кармелиткам в Толедо о своих истязателях как о великих благодетелях. Но хотя он уверяет, что еще никогда не наслаждался такой полнотой сверхъестественного света и утешения, как в узилище, мы не должны забывать, что ему удалось подняться над благодатью страдания. Строфы «Темной ночи» и «Духовного песнопения», возникшие в заточении, также служат свидетельством блаженного единения с Господом. Крест и Ночь – путь к небесному свету: это Благая весть Креста.

6. Содержание вести Креста

Мы рассмотрели, какими путями пришла к Хуану весть Креста. Далее мы покажем, как эта весть воздействовала на учение и жизнь святого. Для этого необходимо представлять себе содержание вести – хотя бы в общих чертах.

«Как¹¹ тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7, 14). В этом стихе нельзя не увидеть, какой вес и значение придается слову «как». Оно должно нам сказать: путь действительно очень узок, намного уже, чем вы думаете... Ведущий к высотам совершенства, он доступен только тем путникам, у кого нет багажа, тянущего их вниз. А поскольку лишь Господь является целью, достойной того, чтобы ее искать и завоевывать, то искать и завоевывать можно одного только Бога. Поскольку лишь Бог мог указать нам этот путь, Он преподал нам ту удивительную науку, которой религиозные души, как ни странно, тем меньше следуют, чем более она им необходима. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк 8, 34). О, кто мог бы так верно объяснить содержание этого возвышенного учения, вкусить его и насладиться им! Лишение всей сладости в Боге... сухость, мерзость

¹¹ Вариант «Синодального» перевода – «Потому что тесны врата...». Текст греческого оригинала позволяет здесь двоякое прочтение, что и отразилось в различных версиях перевода.

и тяготы – вот истинно духовный крест, нагота бедности в духе Христовом. Истинный дух ищет в Боге скорее непривлекательного, чем приятного. Он склонен скорее к страданию, чем к утешению, скорее к отказу от всех благ ради Бога, чем к обладанию ими. Сухость и скорбь ему милее сладостного общения, так как он знает, что именно в этом состоит следование за Христом и самоотречение, в то время как все прочее есть не что иное, как поиски в Боге самого себя... Искать Бога в Боге значит быть готовым ради Христа выбирать лишь непривлекательное, исходящее от Бога и мира. Отказ по воле Спасителя «должен быть отмиранием и уничтожением всего того, чем дорожит воля во временных, естественных и духовных отношениях». Кто же понесет таким образом Крест, познает, что это «иго благое» и «бремя легкое» (ср. Мф 11, 30), поскольку «во всех вещах он найдет великую легкость и сладость». «Лишь когда душа в глубочайшем унижении превратится в совершенное ничто, возникнет ее духовное единение с Богом... Оно состоит... исключительно в Крестной смерти при живом теле, как чувственной, так и духовной, внешней и внутренней». Другого пути нет, поскольку, согласно чудесному и спасительному замыслу Божьему, Христос «спасает подобным образом душу и обручается с ней, в силу чего портится и уничтожается человеческая природа. Если человеческая природа была разрушена и подвержена порче в раю из-за наслаждения запретным плодом, то под Крестным деревом она будет спасена

и восстановлена». Если душа желает разделить Его жизнь, то должна пройти с Ним через Крестную смерть: вместе с Ним распять свою природу умерщвлением и самоотречением и предать себя на распятие в страданиях и смерти, как то угодно будет устроить и попустить Богу. Чем совершеннее будет деятельное и бездеятельное распятие, тем глубже единение с Распятым и тем богаче участие в Божественной жизни.

Таким образом, мы обозначили основные темы науки Креста. Они будут возникать всякий раз, когда мы будем прислушиваться к слову святого и исследовать его жизненный путь. Здесь будет показано, что эти темы были глубочайшей движущей силой, которая сформировала его жизнь и труды.

II. Учение Креста

Введение

Св. Хуан де ла Крус как писатель

Чтобы понять учение Хуана де ла Круса в его духовных истоках, нужно отдавать себе отчет в своеобразии и уникальности его творений, истории их написания и их судьбе.

Поскольку св. Хуан де ла Крус провозглашен Учителем Церкви, к его творениям отсылают каждого, кто ищет ответов на вопросы мистики в рамках католического вероучения. Да и далеко за пределами Католической церкви он признан одним из величайших умов и надежнейших пастырей, мимо произведений которого не может пройти тот, кто со всей серьезностью желает проникнуть в тайное царство внутренней жизни. И все же Хуан де ла Крус не представил никакого систематического изложения мистической доктрины. При написании трактатов у него не было намерения заняться теорией, хотя он был в достаточной степени теоретиком, чтобы увлечься чисто интеллектуальными построениями больше, чем того требовала его изначальная цель. Чего он по-настоящему хотел, так это «вести за руку» (как говорил

о себе Псевдо-Дионисий Ареопагит¹²), дополняя трактатами свое духовное пастырство. Из того, что написал св. Хуан де ла Крус, сохранилось далеко не все. Созданное им до заточения было уничтожено либо им самим, либо другими. Второе его преследование (во время реформы) также многое отняло у нас, например, бесценные записи устных поучений святого, сделанные сестрами-кармелитками. Из писем Хуана до нас дошла лишь часть, а крупные сочинения (те, что уцелели) – «Восхождение на гору Кармель», «Темная ночь», «Духовное песнопение», «Огонь живой любви». «Восхождение» и «Ночь» дошли до нас в незаконченном виде. Но, несмотря на эти пробелы и вызванные ими затруднения, в текстах, сохранившихся как бесценное завещание нашего святого отца, основные мысли так ясны, что вполне можно получить ответы на наши вопросы.

История дошедших до нас сочинений уходит корнями во времена толедского плена. Источник, их породивший, – внутренний опыт святого. Блаженство и страдание избранного Богом раненого сердца находят свое первое выражение в лирической исповеди. Первые тридцать строф «Духовного песнопения» родились в тюрьме, как, возможно, и стихотворение «Темная ночь», лежащее в основе одноименного трактата, и «Восхождение». Св. Хуан вынес их из тюрьмы (то

¹² Псевдо-Дионисий Ареопагит – от *греч.* член ареопага (судебной коллегии в Афинах), христианский мыслитель V или нач. VI в., представитель поздней патристики.

ли помня наизусть, то ли записав в тетрадь – на этот счет существуют разные мнения) и показал близким людям. Лишь благодаря просьбам его духовных сыновей и дочерей у нас есть тексты, поясняющие эти стихи. Опыт, выраженный поэтическим языком, в трактатах переведен на язык искушенного в философии и теологии мыслителя, хотя схоластические термины используются в них очень скудно, а жизненные образы – весьма богато. Далее эмпирическая основа расширяется: пережитое св. Хуаном дополняется тем, что было открыто ему как наставнику в процессе духовного попечительства благодаря глубокому проникновению во внутреннюю жизнь других людей. Это защищает его от односторонних суждений и неверных обобщений. Он всегда считается с огромным разнообразием возможных путей, а также с тем, как тонко и гибко благодать воздействует на души, учитывая особенности каждой из них. В конечном же счете неисчерпаемым источником учения о законах внутренней жизни являлось для него Священное Писание. В Библии он находил точное подтверждение того, что познал на собственном опыте. С другой стороны, собственный опыт раскрывал ему мистический смысл Богодухновенных книг. Смелый язык символов в псалмах, притчи Господа, истории, рассказанные в Ветхом Завете, – все становится для него прозрачным, обогащая и углубляя проникновение в то единственное, что только и важно: *путь души к Господу и действие Господа в душе*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.